

ЭКОНОМИКА ИНКЛЮЗИВНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ¹

Октай МАМЕДОВ,

доктор экономических наук, профессор,
Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия,
e-mail: terraeconomicus@mail.ru

Статья посвящена «инклюзивности» – самой человеческой организации человеческого сообщества. Автор характеризует категорию инклюзивности следующим образом: если ближе приглядеться к каждому работнику, то обнаружится, что все они с какими-то своими особенностями, проблемами и оригинальностью, неповторимое сочетание которых и превращает работника в индивидуальную личность. Учет всех этих персональных особенностей – при сохранении равного отношения к работникам, несмотря на различающие их склонности, способности, страсти, болезни, сильные и слабые компетенции, некачественное образование и качественную подготовку, – и есть инклюзивная организация экономики. Можно даже сказать, что инклюзивность это – «персонифицированная экономика», то есть экономика, построенная с учетом созидательных особенностей каждого работника. Для экономически развитого общества инклюзивная организация производства вполне достижима. И по мере перерастания постиндустриальной экономики в креативную, реализация инклюзивности становится главным фактором экономического роста. Но, чтобы учесть персональные особенности, необходима иная – «многоособенная» организация труда, производства, экономики и общества, образования и здравоохранения, повседневной жизни и не повседневной. А именно такая, «многоособенная», организация не под силу чиновничеству, бюрократии, государству, потому что они не могут, не в состоянии прийти до каждого человека, более того, до его личностных особенностей. Вот почему инклюзивность, вырастающая из принципов рыночности, либерализма и демократии и реализующая их в полном масштабе, становится приоритетной тенденцией в механизме экономического роста, непременно ведущей к становлению «инклюзивной цивилизации». Не удивительно, что сегодня инклюзивность переместилась в центр внимания обществоведов всех стран. При таком подходе приходится констатировать, что современный мир озабочен множеством надъиндивидуальных проблем, среди которых мечутся миллионы чаплиновских героев, безуспешно пытающихся привлечь внимание к своим маленьким тревогам, в надежде покончить с нескончаемыми социальными скитаниями. Однако к этим тревогам и надеждам медленно разворачивается даже наука о людях – обществознание.

Появление феномена «инклюзивность» способно кардинально изменить ситуацию, поскольку в широком смысле тенденция к системной инклюзивности

¹ Статья подготовлена в рамках проекта–победителя Грантового конкурса Стипендиальной программы В. Потанина 2016/2017 «Разработка магистерской программы инклюзивного образования – Креативная экономика» и разрабатывалась на средства гранта Фонда В. Потанина.

означает осознанную поддержку обществом усилий индивида по обретению им достойного социального существования. Автор доказывает, что, по мере становления креативной экономики, обращенной к реализации личностного потенциала каждого участника производства, инклюзивность приобретает статус главного критерия экономической цивилизованности. Фактически, пусть еще не в полной мере осознанно, но между национальными экономиками разворачивается конкуренция глобального масштаба, суть которой – степень реальной инклюзивности национального производства.

Общий авторский вывод – каждая историческая ступень общественного производства испытывает различный интерес к его участникам: на начальном этапе индивидуальное начало преобладало, и каждый участник производства был важен и как личность, но затем, с каждым последующим этапом, этот интерес угасал, пока в конвейерном производстве вообще не упал до критической величины; и только с приходом компьютерно-интернетной технологии начался возврат интереса к личности работника, обнаруживая прямую зависимость – чем выше креативность производства, тем сильнее тренд к инклюзивности; поэтому переход к инклюзивной цивилизации означал бы (в аспекте социальной организации общественной жизни) новый шаг в обуздании чиновничьего всевластия и усилении позиций гражданского общества.

Ключевые слова: инклюзивность; инклюзивная экономика; инклюзивность – новый критерий цивилизованности

ECONOMY OF INCLUSIVE CIVILIZATION

Oktay MAMEDOV,

Doct. Econ. (DSc), Professor,
Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia,
e-mail: terraeconomicus@mail.ru

The article deals with the "inclusiveness" – the most humane organization of the human community. The author characterizes the category of inclusiveness in the following way: if one looks at each worker, it will be found that all of them have some peculiarities, problems and originality, a unique combination of which turns an employee into an individual personality. Accounting for all these personal characteristics, while maintaining equal treatment of workers, despite their distinguishing fads, addictions, abilities, passions, diseases and injuries, strong and weak competencies, poor quality education and quality training – is an inclusive organization of the economy. One can even say that inclusiveness is a "personified economy", that is, an economy built with respect to the creative characteristics of each employee. For an economically developed society inclusive organization of production is quite achievable. And, as the postindustrial economy grows into a creative one, inclusiveness becomes the main factor of economic growth. However a different – "multi-special" – organization of labor, production, economy and society, education and health, everyday and non-everyday life is required. Namely, such a "multisocial" organization is beyond the power of bureaucracy and state, because the latter cannot and are not able to reach every person and his/her personal characteristics. That is why inclusiveness, which grows out of the market principles, liberalism and democracy, and realizes them in full scale, becomes a priority trend in the mechanism of economic growth, which inevitably leads to the "inclusive civilization". Not surprisingly, today inclusiveness is in the focus of all social

scientists of all countries. With this approach, we have to state that the modern world is preoccupied with a multitude of supra-individual problems.

With the emergence of the phenomenon of "inclusiveness", the situation can change dramatically, because, in a broad sense, the tendency towards systemic inclusiveness means a conscious support of the society by the efforts of the individual striving for an existence worthy of human dignity. The author argues that, as the creative economy shapes, geared towards the realization of the personal potential of each economy's participant, inclusiveness acquires the status of the main criterion of economic civilization. In fact, though not fully conscious, but between national economies, global competition is unfolding, showing its essence in the degree of real inclusiveness of national economy.

The main author's conclusion is that each historical stage of social production experiences a different interest in its participants: at the initial stage, the individual principle had prevailed, and each participant of the economy had been important as a person, but then, with each subsequent stage, this interest faded away, with finally reached critical level at the age of conveyor production. And only advent of computer-Internet technology returns interest to the employee's personality. The direct dependence occurs at that: the higher the creativity of production, the stronger the trend towards inclusiveness. Therefore, the transition to an inclusive civilization would symbolize (in the aspect of social organization of public life) a new step in curbing bureaucratic omnipotence and strengthening the positions of the civil society.

Keywords: *inclusiveness; inclusive economy; inclusion as the new criterion of civilization*

JEL classifications: *A12, A20, B40*

МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Особая прагматическая функция научного обществознания (помимо адекватности теоретического отражения социальной реальности и прикладного прогнозирования) (см.: *Кимелев и Полякова, 2014*) – ранжирование социальных проблем по степени их экономической актуальности. Такой тезис может показаться странным лишь представителям естественных дисциплин, следующим парадоксальной логике научных открытий. Однако в обществе ограниченных ресурсов только экономическая актуальность, зафиксированная в статусе назревшей потребности самой экономики, может рассматриваться как рациональное условие приоритетного системного решения соответствующей проблемы.

Экономическое ранжирование социальных проблем весьма отдаленно связано с реальной социально-экономической политикой, поскольку имеет целью внутринаучное упорядочение исследовательского материала. Но даже для решения этой, традиционной для науки, задачи обществоведы длительный период имели возможность опираться на высшее методологическое достижение обществознания XIX века – на выстраданные всей интеллектуальной историей человечества критерии научности социального знания (*Магомедов и Качабеков, 2003; Катаева, 2015*). Это означает, что в научном обществознании нет ни одной проблемы, анализ которой не требовал бы ее теоретико-методологического обоснования. Увы, именно таким обоснованием сегодня пренебрегают прежде всего сами экономисты (формирующие – в соответствии с объективным системным строением общества – базовый уровень социального знания, чем часто ставят под сомнение научную достоверность выводов всего обществознания)².

² Здесь следует обратить особое внимание на то, что теоретико-методологическое обоснование выводов исследования – единственный доступный обществоведам всех дисциплин язык межпредметного общения, и, пренебрегая этим аспектом, экономисты фактически делают невозможным междисциплинарный анализ.

Более того, непреходящую методологическую высоту двухвековой давности в попытках ее опровергнуть самонадеянно штурмует каждое новое поколение обществоведов. Но и до сих пор современной социальной теории ей просто нечего противопоставить. И вот, вместо того чтобы продолжить разработку критериев научности социального знания (с учетом изменившихся базовых и надстроечных обстоятельств), нынешние обществоведы вообще вытолкали эту проблему на периферию социальной науки. Между тем актуальность названных критериев (из числа которых уже давно изгнан даже фундаментальный критерий социальной истины – общественно-производственная практика³) особенно ощущается при исследовании главного процесса исторического развития – цивилизации общества.

Цивилизационный процесс обычно происходит под доминирующим воздействием исторически-обусловленного системного императива, роль которого сегодня, по нашему мнению, объективно переходит к феномену инклюзивности, трактуемому как «качество включения многих разных типов людей при сохранении справедливого и одинакового отношения к ним» (*Cambridge Advanced Learner's Dictionary & Thesaurus, undated*).

Недооценка преобразующего цивилизационного потенциала названного феномена может иметь тяжелые последствия – как для практики, так и для теории развития российского общества. Значимость инклюзивности для современной экономики характеризуется авторами доклада Комиссии по росту и развитию «The Growth Report: Strategies for Sustained Growth and Inclusive Development», в числе которых – лауреат Нобелевской премии Майкл Спенс, следующим образом: неинклюзивные модели роста, в конечном счете всегда обречены на неудачу. Такие модели не могут обеспечить устойчивый высокий уровень роста, необходимый для сокращения масштабов бедности и удовлетворения основных человеческих стремлений: здоровья, безопасности и возможности принести пользу обществу трудом и творчеством. Они в недостаточной мере и неправильно используют ценные человеческие ресурсы, а зачастую приводят к политическим и социальным потрясениям, часто сопровождающимся идеологической или этнической поляризацией, что имеет следствием либо резкие политические колебания, либо паралич политики (*Commission on Growth and Development, 2008*).

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Изучение «частного» (единичного, конкретного, локального состояния изучаемого фрагмента объективной реальности) важно для каждой науки в той лишь мере, в какой она надеется через это «частное» выйти на «общее». И такая попытка – отталкиваясь от частного, взобраться на уровень общего, – фактически предпринимается в любом исследовании, даже если она зачастую и не осознается как его сверхзадача.

Однако «частное», не претендующее на локальное проявление «общего», ничуть не теряет из-за этого в своей теоретической ценности. И не только потому, что «общее» может возникнуть только как «частное», но и потому, что перерастание «частного» в «общее» всегда проходит историческую развилку превращения: или – в «тенденцию», или – в «аномалию».

Таким образом, «общее» есть всего лишь доказанная универсальность данного «конкретного» (вбирающего все вариации реального), а именно – практики. Получается, что теоретические обобщения удаляются от частного только для того, чтобы вновь вернуться к нему, но уже – как к доказанному проявлению всеобщности. Это справедливо и по отношению к всеобщности инклюзивных трансформаций, что свидетельствовало бы о приобретении инклюзивностью статуса императива новой цивилизованности.

³ Это видно хотя бы из того, что долгосрочный рост экономической эффективности в странах с развитой рыночной системой никоим образом не влияет на теоретические установки ведущих отечественных экономистов и политиков.

ПРАКТИЧЕСКАЯ ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Неостановимое прогрессивное развитие общественного производства обеспечивается стремлением общества к достижению максимально возможной эффективности на базе существующих производственной и экономической технологий⁴. При таком подходе экономическая динамика приобретает вид бесконечного эксперимента, проводимого человечеством на протяжении всей его истории, по беспрестанному отысканию и освоению наиболее эффективных форм общественной организации общественного производства. На этом пути общественное производство и совершило величайшую революцию, перейдя от его индивидуальной организации – к массовой, найдя в ней долгосрочную эффективную форму общественного производства (*Whitread, undated*).

Однако, после нескольких столетий господства массового производства, происходящий сегодня качественный скачок в развитии производительных сил на базе информационно-компьютерных технологий подвел современную экономику к возможности нового революционного прорыва – к возрождению индивидуально-организуемой ступени общественного производства, позволяющей учитывать персональные особенности каждого его участника (*Бодрунов, 2016*). В учете особенностей каждого участника общественного производства, невозможном в условиях «анти-индивидуальности» массовых технологий, и кроется главный фактор безграничного роста производительности общественного труда в эпоху его креативности. На практике это означает начало эпохи всеобщности феномена инклюзивности.

«ИНКЛЮЗИВНОСТЬ» ВМЕСТО «ФОРМАЦИОННОСТИ»

Современное обществознание вошло в конфликт с научностью с того момента, как оно отказалось от величайшего открытия в исследовании общества – от абстракции «социально-экономическая формация», категории, посредством которой квалифицировались базовые (сущностно-отличительные) признаки определенной ступени в историческом развитии общества (см., напр.: *Berberoglu, 2005; Семенов, 1998*). Более того, формирование полного набора этих признаков свидетельствует, по формационной теории, о достижении данной формацией зрелости – ступени органической (системной) целостности, а признание объективно-заданной субординации найденных сущностных признаков (первично – экономическое бытие, вторично – социальные формы, порождаемые общественным сознанием) объясняет механизм самодвижения формации. В этой ситуации главной задачей всех отраслей обществознания становилось доказательное отыскание реальных свойств, имманентных той или иной исторической ступени. И можно представить смятение обществоведов, лишившихся – в перестроечном угаре – такой опорной для всего обществознания категории, как «общественно-экономическая формация».

Скажем прямо, отказ от этой великой гносеологической абстракции укрепил позиции эмпириков во всех отраслях обществознания, спровоцировав пренебрежение к экономической теории, что равносильно отказу от экономической науки, поскольку наука может существовать только как теоретическое знание. В результате, в социальной теории возник стихийный «кастинг» различных абстракций на замещение функций категории «общественно-экономическая формация», поскольку совсем отказаться от фундаментальной (предметной) системообразующей категории не может ни одна наука. Сначала казалось, что такое замещение могло бы выполнить понятие «институт», однако подоспевшие этнографы, культурологи и психологи воспрепятствовали его последовательно-социальной трактовке; потом повышенной популярностью пользовался некий диковинный «дискурс»; даже «социальный генотип» пытались использовать как системное объяснение, и чего только еще не наслушались, к примеру,

⁴ Различение двух названных видов технологии общественного производства необходимо в силу их постоянной взаимной конфликтности.

отечественные экономисты. В конце концов, мудрость современной экономической науки свела свой предмет к изучению некой загадочной «поведенческой экономики». Антинаучность последней как объекта анализа состоит в том, что здесь не общественно-производственные императивы диктуют поведение участников экономики (как того требует выстраданный великим Марксом научный подход к экономике), а невесть откуда взявшееся «экономическое сознание» акторов. В итоге аналитики попадают в «порочный круг»: экономическое поведение объясняется экономическим сознанием, которое, в свою очередь, объясняется экономическим поведением. Более жалкого падения некогда научной экономической теории трудно представить.

В сложившейся в экономической науке антинаучной ситуации место понятия «общественно-экономическая формация» вынуждены были взять на себя те категории, которые могут, хотя бы частично, исполнить ее системообразующие функции. Это относится и к феномену «инклюзивность», практическая реализация социального потенциала которого означала бы системное преобразование всех сфер общественной жизни на инклюзивных началах, что привело бы к переходу к «инклюзивному» цивилизационному состоянию общества.

О КРИТЕРИЯХ ИНКЛЮЗИВНОЙ ЦИВИЛИЗОВАННОСТИ

Нахождение инклюзивных критериев цивилизованности общества позволит определить место, занимаемое той или иной страной в общеисторическом движении человечества к инклюзивному цивилизованному состоянию.

Процесс выявления инклюзивных критериев цивилизованности в методологическом отношении носит двойственный характер: с одной стороны, он возможен только при достаточной теоретической зрелости экономической науки, с другой – сам способствует такой зрелости. При этом следует учитывать три момента.

1. Исходным пунктом практически всех дискуссий относительно трактовки сущности и природы критериев цивилизованности выступает определение соотношения в этих критериях «общего» и «особенного», что отражает давнюю полемику о приоритетности или универсального, или специфического в движении национальной экономики.

2. Между различными критериями цивилизованности существует та же объективная субординация, какая присуща основным сферам общественной жизни.

3. Критерии цивилизованности общества в строго научном аспекте всегда являются – и по генезису, и по природе – объективными, социальными и историческими:

- объективность системы критериев цивилизованности выражается в том, что они возникают не произвольно, не декретируются, а формируются по мере становления необходимых для этого производственных, экономических и социальных (политико-идеологических) предпосылок;
- социальность системы критериев цивилизованности выражается в том, что они конституируются по мере необратимости процесса утверждения цивилизованных форм организации общественной жизни;
- историчность системы критериев цивилизованности выражается в ее динамичности – постоянном обновлении набора названных критериев, в появлении новых критериев при сохранении старых, что имеет следствием усложнение их архитектоники.

Отмеченные моменты характеризуют и критерии инклюзивной цивилизованности.

ГНОСЕОЛОГИЯ КРИТЕРИЕВ ЦИВИЛИЗОВАННОСТИ

Анализ процесса формирования критериев инклюзивной цивилизованности методологически знаменателен тем, что, возникая как некоторая неявная, слабо обозначившаяся тенденция, она затем наливается силой закономерности, чтобы обрести статус императива данной исторической ступени социальной цивилизованности.

Превращение инклюзивности в императивный критерий цивилизованности свидетельствует о необратимости выражаемого данным критерием свойства. Этим констатируется момент всеобщей необходимости и необратимости инклюзивных преобразований. И только с этого момента можно говорить о полноте реализации инклюзивного критерия цивилизованности, поскольку он необходимо входит в набор критериев инклюзивной ступени цивилизованности общества (например, в Средневековье умение читать и писать возносило обладателя этих достоинств на недостижимую социальную высоту, и что же? – не прошло и нескольких веков, как эти умения вошли в минимальный «стандарт» цивилизованности общества).

Здесь важно обратить внимание на объективную и субъективную стороны процесса приобретения инклюзивностью статуса императива в качестве критерия цивилизованности общества. Объективная сторона – наличие материальных предпосылок для возникновения определенной социальной тенденции, из которой и вырастает соответствующий критерий цивилизованности общества. А субъективная сторона – позиция общества по отношению к этой тенденции и к этому критерию.

ИНКЛЮЗИВНОСТЬ – НОВЫЙ КРИТЕРИЙ ЦИВИЛИЗОВАННОСТИ

Изложенная выше методология анализа критериев цивилизованности общества должна быть применима ко всем возникающим, новым критериям. Среди них особое место в ближайшем будущем займет, по нашему мнению, такой критерий цивилизованности, как степень инклюзивной трансформации всех сфер общественной жизни.

Более того, можно утверждать – в нарастающей глобальной конкуренции национальных экономик перспектива стратегической победы реальна только для тех стран, которые осознают и реализуют конкурентоспособный потенциал всеобщности инклюзивизации.

Недооценка практической значимости процесса инклюзивизации порождается ее инверсионным характером становления, какой был присущ, например, компьютеризации (за недооценку которой мы платим до сих пор): начинаясь в далеких от производства сферах, эта, будто бы «внепроизводственная», тенденция затем молниеносно охватывает все сферы экономики, адаптируя их под свои требования.

Инклюзивность принято ограничивать сферой образования и даже рассматривать как феномен некой социальной благотворительности, что является опасным заблуждением (Туманян, Ищенко-Падукова и Мовчан, 2015, с. 88).

СИСТЕМНОСТЬ ИНКЛЮЗИВНОСТИ

Перестройка всех уровней образования под требования инклюзивности – процесс, интенсифицируемый в большинстве стран. Но если кто полагает, что сферой образования притязания инклюзивности исчерпываются, тот впадает в обманчивую иллюзию: образование – всего лишь первая «крепость», которая сдается под натиском инклюзивности (тем более что практика последних двух столетий показала: сфера образования – первичная локальная модель предстоящих перемен, охватывающая в дальнейшем все сферы общества). В этом аспекте становится, например, ясно, что инклюзивная подготовка выпускников высшей школы имеет смысл только в том случае, если их ждет инклюзивно-реорганизованное производство. В ситуации всеобщей инклюзивности «до-инклюзивное» (а тем более – «анти-инклюзивное») предприятие не имеет ни малейших шансов на победу в конкурентной борьбе по новым («инклюзивным») правилам. Но любой экономист понимает, что инклюзивно-реорганизованное производство тянет за собой соответствующее преобразования в распределении, обмене и потреблении. Параллельно изменению на инклюзивных началах подвергнутся здравоохранение, наука, социальная сфера, рекреация и туризм – практически вся общественная жизнь. Это и есть системность на практике.

СУЩНОСТЬ ИНКЛЮЗИВНОСТИ

Почему же мы считаем, что всеобщность инклювизации явится критерием нового уровня цивилизованности общества? Почему достижение всеобщей инклюзивности будет свидетельствовать о новой ступени цивилизованности?

Социальный прогресс исторического движения человечества до Нового времени (примерно до XVI века) состоял в стремлении к утверждению равного подхода ко всем членам общества. И это неудивительно: к Новому времени человечество успело одолеть только три исторические ступени – первобытность, рабовладельчество и феодализм, те социальные системы, в которых неравенство людей являлось конституирующей основой их общественной организации. Преодоление этой, не только социальной, но и экономической, ловушки составило смысл всех социальных потрясений на протяжении Древних и Средних веков. Но только три великие буржуазные революции Нового времени (в Нидерландах, Англии и Франции) реально преодолели это препятствие на пути социального и экономического прогресса всего человечества. Однако этот всемирно-исторический прорыв не был стечением случайных обстоятельств, он был подготовлен материальными предпосылками, требовавшими перехода к рыночной экономике, невозможной без утверждения, пусть формального, но – равенства людей. Равенство товаров требовало признания равенства их производителей и потребителей. Равенство еще было рыночным, односторонним и количественным – стоимостная величина общественного богатства, принадлежащая данному участнику рынка.

Мало кто осознает, что всю историю человечества право и экономика шагают вместе, пытаясь решить одну и ту же проблему – проблему реальной социальной справедливости. Поскольку люди не равны по многим параметрам (пол, возраст, интеллектуальные и физические способности, условия жизни и быта), потому прогресс в сфере справедливости со стороны экономики и права мог проявляться только в одном – в обеспечении равного подхода к неравным индивидам. Словом, на первом этапе социальной справедливости ее высшее достижение состоит в обеспечении равного подхода к неравным людям. Большого малоэффективная экономика дать не способна. Но по мере развития и экономики, и общества становится возможным переход к более высокой ступени экономического и правового равенства – неравный подход к неравным людям⁵!

С большим трудом, но формальное равенство (равный подход к неравным людям) утвердилось в рыночно развитых странах, и к нему же идет большинство стран мира, для которых достижение такого равенства будет действительно знаменовать переход к «цивилизованному обществу».

Но как только эта «рыночная цивилизованность» овладела общественным сознанием населения в рыночно развитых странах, оказалось, что это – только первая ступень равенства, и мир начал еще невидимое, еще мало осознаваемое, но уже реальное движение к новой, еще более высокой, ступени цивилизованности, предвестником которой стал феномен инклюзивности.

В сущности, цивилизованность общества – это максимально достижимое на данной исторической ступени развития общественного производства социальное равенство. В специально посвященной данной проблеме работе Карл Маркс разъяснил, что завоеванное в ходе буржуазных революций равенство (равное отношение ко всем членам общества, воспринимаемым за «равные социальные единицы») все равно остается формальным равенством, поскольку равное отношение к не равным по своим личностно-индивидуальным параметрам людям означает на деле фактическое неравенство; поэтому «равное право» здесь по принципу все еще является правом буржуазным, хотя принцип и практика уже не противоречат друг другу, тогда как при товарооб-

⁵ Рассмотрев на примере творческих личностей проблему равного подхода к неравным творческим личностям, Е. Л. Яковлева пришла к важному заключению: «Устрашающая формула «гениальность = безумие», заменяется в рамках инклюзивного подхода к бытию иной – «гениальность = эксклюзивная инклюзивность» (Яковлева, 2015, с. 29).

мене обмен эквивалентами существует лишь в среднем, а не в каждом отдельном случае. Несмотря на прогресс, это равное право в одном отношении все еще ограничено буржуазными рамками. Право производителей пропорционально доставляемому ими труду; равенство состоит в том, что измерение производится равной мерой – трудом.

Но один человек физически или умственно превосходит другого и, стало быть, доставляет за то же время большее количество труда или же способен работать дольше; а труд, для того чтобы он мог служить мерой, должен быть определен по длительности или по интенсивности, иначе он перестал бы быть мерой. Это равное право есть неравное право для неравного труда. Оно не признает никаких классовых различий, потому что каждый является только рабочим, как и все другие; но оно молчаливо признает неравную индивидуальную одаренность, а следовательно, и неравную работоспособность естественными привилегиями. Поэтому оно по своему содержанию есть право неравенства, как всякое право. По своей природе право может состоять лишь в применении равной меры; но неравные индивиды (а они не были бы различными индивидами, если бы не были неравными) могут быть измеряемы одной и той же мерой лишь постольку, поскольку их рассматривают под одним углом зрения, берут только с одной определенной стороны, как в данном, например, случае, где их рассматривают только как рабочих и ничего более в них не видят, отвлекаются от всего остального. Далее: один рабочий женат, другой нет, у одного больше детей, у другого меньше, и так далее. При равном труде и, следовательно, при равном участии в общественном потребительном фонде один получит на самом деле больше, чем другой, окажется богаче другого и тому подобное. Чтобы избежать всего этого, право, вместо того чтобы быть равным, должно бы быть неравным... Право никогда не может быть выше, чем экономический строй и обусловленное им культурное развитие общества» (*Маркс и Энгельс, 1961, с. 19*).

Мы привели довольно обширную цитату из известного произведения Маркса потому, что в нем фактически представлена суть принципа инклюзивности. Мы вправе предположить, что различные соотношения «равенства» и «неравенства» в обществе дают четыре комбинации:

- *первобытная ступень* – «естественно-неравное» отношение к «естественно-неравным» людям;
- *рабовладельческая и феодальная ступени* – «социально-неравное» отношение к «социально-равным» людям;
- *капиталистическая ступень* – «социально-равное» отношение к «социально-неравным» людям;
- *инклюзивная ступень* – «социально-неравное» отношение к «естественно-неравным» людям.

Таким образом, сущность инклюзивной ступени равенства – в неравном социальном отношении к различным людям, неравном в том смысле, что это отношение учитывает отличающие их различия (не только социальные, но и гендерные, физические, психологические и возрастные), что означает, например, в сфере образования предоставление равных возможностей в обучении для людей с неравными способностями к обучению. Аналогичным преобразованиям подвергаются – производство, принципы занятости и здравоохранение и т.д.

ОТ ИНКЛЮЗИВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ – К ИНКЛЮЗИВНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Инклюзивные изменения будут способствовать развитию гражданского общества, поскольку здесь осуществляется переход от удовлетворения массовых потребностей к удовлетворению индивидуальных потребностей, чего не в состоянии учесть и осуществить государство, будучи институтом удовлетворения усредненных социальных потребностей.

Специалисты Фонда Рокфеллера, занимающегося разработкой теоретических и практических проблем инклюзивной экономики, дают пять характеристик инклюзивной экономики: участие населения, равноправие, рост, устойчивость и стабильность.

1. Несмотря на различия, люди имеют равные возможности в полной мере участвовать в экономической жизни и влиять на ее будущее. Этому способствуют прозрачность и одинаковость правил и норм.

2. Обеспечена вертикальная мобильность для большего числа людей, особенно из бедных и социально незащищенных слоев населения.

3. Экономический рост должен включать такие направления, которые характеризуют не только материальное, но и социальное благополучие.

4. Участники экономики обладают достаточной уверенностью в своем будущем, поэтому экономические системы становятся более устойчивыми к возможным потрясениям.

5. Инклюзивность, открывая возможность реализации потенциала всех групп работников, обеспечивает межпоколенческое благополучие.

В целом же Фонд считает «инклюзивной» такую экономику, в которой созданы и постоянно расширяются возможности для реализации личностного потенциала тех, кто сталкивается с наибольшими препятствиями для своего социального продвижения (Pacetti, 2016). Принцип инклюзивности преобразует организацию и производства товаров, и производственных технологий, и организацию индивидуального труда (на основе возрождения «рассеянной мануфактуры»... в компьютерную эпоху).

Инклюзивный спрос «взрывает» рыночную организацию экономики – рынок возвращается к взаимоотношениям известных друг другу участников. В этих условиях главным посредником экономических связей становится гражданское общество, поскольку инклюзивные функции может реализовать только гражданское общество. Более того, среди институтов управления приоритетным становится муниципальный уровень, аппарат их отличается от чиновничьего непосредственной близостью к населению, своей прямой зависимостью от населения, а главное, возможностью реального контроля муниципального уровня гражданского общества над качеством управления повседневной жизнью людей.

Инклюзивность становится главным объектом внимания мирового общественно-экономического форума «Доклад об инклюзивном росте и развитии – 2017» специально отмечается, что «во всем мире нет большей проблемы, волнующей лидеров, чем расширение участия общества в процессе и выгодах экономического роста» (см.: *The Inclusive Growth and Development Report 2017*). Уже составлен мировой рейтинг инклюзивизации национальных экономик, в котором в 2017 году проранжированы 109 стран, первые три места заняли – Норвегия, Люксембург и Швейцария (Corrigan, 2017). (Россия, к сожалению, отсутствует в числе ранжируемых стран, и это – объективное свидетельство недооценки значимости процесса инклюзивизации в жизни российского общества и российской экономики⁶.) Уже составляются стратегические программы инклюзивного роста США (см., напр.: *Manyika et al., 2016*). Но наши экономисты феноменом инклюзивности озабочены мало. И напрасно. В аспекте инклюзивности рассматриваются практически все стороны общественного производства – и экономический рост (CAFOD, undated; *Jacobs & Mazzucato, 2016*), и региональная экономика (*Drummond, Capeluck & Calver, 2015*), и труд в инклюзивном обществе (*Levitas, 1998*), и стратегия финансирования (*Kelly, Duncan & Dubb, 2016*), возможности молодежи в инклюзивной экономике (*Wallace, 2016*), экологические аспекты инклюзивной экономики (*Alfredsson & Wijkman, 2014*) и многое другое. И это понятно: если приглядеться к совокупному работнику любой страны, то мы обнаружим невозможную ранее, в условиях национальной замкнутости, социальную пестроту проблем

⁶ Вот десять наиболее представительных стран с развитой экономикой в мире, согласно докладу: Норвегия, Люксембург, Швейцария, Исландия, Дания, Швеция, Нидерланды, Австралия, Новая Зеландия, Австрия.

образующих его категорий трудящихся – женщины, молодежь, пожилые работники, инвалиды, аборигены, автохтоны, апатриды, иммигранты, мигранты; нуждающиеся в социальной реабилитации; безработные – в силу отсутствия у них необходимого образования, и безработные – в силу отсутствия работы по полученному образованию. Учет нарастающей социальной пестроты проблем совокупного работника становится главным фактором роста национальной экономики в условиях ее креативности.

Каждая историческая ступень общественного производства испытывает различный интерес к ее участникам – на начальном этапе индивидуальное начало преобладало, и потому каждый участник производства был важен и как личность; затем, с каждым последующим этапом, этот интерес угасал, пока в конвейерном производстве вообще не упал до критической величины. И только с приходом компьютерно-интернетной технологии начался возврат интереса к личности работника, обнаруживая прямую зависимость: чем выше креативность производства, тем сильнее тренд к инклюзивности. Поэтому переход к инклюзивной цивилизации означал бы – в аспекте социальной организации общественной жизни – новый шаг в обуздании чиновничьего всевластия и усилении позиций гражданского общества.

ЛИТЕРАТУРА

Бодрунов, С. (2016). Новое индустриальное общество второго поколения: человек, производство, развитие // *Общество и экономика*, № 9, с. 5–21.

Катаева, О. В. (2015). Проблема критериев научности социально-гуманитарных наук // *Известия Московского государственного технического университета МАМИ*, т. 6, № 1(23), с. 74–77.

Кимелев, Ю. А., Полякова, Н. Л. (2014). Философия социальных наук // *Вестник Московского университета*, № 1, с. 20–46. Серия 18: Социология и политология

Магомедов, Н. Г., Качабеков, А. Г. (2003). Критерии научности социального знания. Махачкала.

Маркс, К., Энгельс, Ф. (1961). Соч., т. 19. М.: Политиздат.

Семенов, Ю. И. (1998). Марксова теория общественно-экономических формаций и современность // *Философия и общество*, № 3, с. 190–233.

Туманян, Ю. Р., Ищенко-Падукова, О. А., Мовчан, И. В. (2015). Инклюзивное образование – критерий цивилизованности общества и экономики. Ростов н/Д.: Наука-Спектр.

Яковлева, Е. Л. (2015). Эксклюзивная инклюзивность творческой личности // *Карельский научный журнал*, № 1.

Alfredsson, E., and Wijkman, A. (2014). The Inclusive Green Economy // *MISTRA, Prestudy*, April (http://www.mistra.org/download/18.2f9de4b14592a1589d172e2/1473225485133/Mistra_Prestudy_TheInclusiveGreenEconomy_April2014+%281%29.pdf).

Berberoglu, B. (2005). *An introduction to classical and contemporary social theory: A critical perspective*. Rowman & Littlefield.

CAFOD (undated). Discussion paper: What is “inclusive growth”? (<https://cafod.org.uk/content/download/17224/133626/file/Inclusive>).

Cambridge Advanced Learner’s Dictionary & Thesaurus (undated). Definition of “inclusiveness”. Cambridge University Press (<http://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/inclusiveness>).

Commission on Growth and Development (2008). *The Growth Report: Strategies for Sustained Growth and Inclusive Development* (<https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/6507/449860PUB0Box3101OFFICIAL0USE0ONLY1.pdf>).

Corrigan, G. (2017). Lessons from Norway, the world’s most inclusive economy // *World Economic Forum* (<https://www.weforum.org/agenda/2017/04/lessons-from-norway-the-world-s-most-inclusive-economy/>).

Drummond, D., Capeluck, E., and Calver, M. (2015). The Key Challenge for Canadian Public Policy: Generating Inclusive and Sustainable Economic Growth // *CSLS Research Report*, 11, September (<http://www.csls.ca/reports/csls2015-11.pdf>).

Jacobs, M. & Mazzucato, M. (Eds.) (2016). *Rethinking Capitalism: Economics and Policy for Sustainable and Inclusive Growth*. Wiley-Blackwell, 224 p.

Kelly, M., Duncan, V., and Dubb, S. (2016). Strategies for financing the inclusive economy // *Democracy Collaborative* (<http://democracycollaborative.org/financinginclusion>).

Levitas, R. (1998). *The Inclusive Society? Social Exclusion and New Labour*. London: Macmillan, 223 p.

Manyika, J., Pinkus, G., Ramaswamy, S., Woetzel, J., Nyquist, S., and Sohoni, A. (2016). The US economy: An agenda for inclusive growth // *Briefing paper*, November. McKinsey Global Institute (<http://www.mckinsey.com/~media/McKinsey/Global%20Themes/Employment%20and%20Growth/Can%20the%20US%20economy%20return%20to%20dynamic%20and%20inclusive%20growth/MGI-US-Economic-Agenda-Briefing-paper-November-2016.ashx>).

Pacetti, E. G. (2016). The Five Characteristics of an Inclusive Economy: Getting Beyond the Equity-Growth Dichotomy // *The Rockefeller Foundation*, December 13 (<https://www.rockefellerfoundation.org/blog/five-characteristics-inclusive-economy-getting-beyond-equity-growth-dichotomy/>).

The Inclusive Growth and Development Report 2017 // *World Economic Forum* (<https://www.weforum.org/reports/the-inclusive-growth-and-development-report-2017>).

Wallace, J. (2016). Opportunity Youth: The Key To An Inclusive Economy // *Forbes*, May 16 (<https://www.forbes.com/sites/gradsoflife/2016/05/16/opportunity-youth-the-key-to-an-inclusive-economy/#23a07a9f628d>).

Whitread, R. (undated). History of mass production // *InfoBritain* (http://www.info-britain.co.uk/mass_production.htm).

REFERENCES

Alfredsson, E., and Wijkman, A. (2014). The Inclusive Green Economy. *MISTRA*, Prestudy, April / http://www.mistra.org/download/18.2f9de4b14592a1589d172e2/1473225485133/Mistra_Prestudy_TheInclusiveGreenEconomy_April2014+%281%29.pdf).

Berberoglu, B. (2005). An introduction to classical and contemporary social theory: A critical perspective. Rowman & Littlefield.

Bodrunov, S. (2016). A new industrial society of the second generation: man, production, development. *Society and Economics*, 9, 5–21. (In Russian.)

CAFOD (undated). Discussion paper: What is “inclusive growth”? (<https://cafod.org.uk/content/download/17224/133626/file/Inclusive>).

Cambridge Advanced Learner's Dictionary & Thesaurus (undated). Definition of “inclusiveness”. Cambridge University Press (<http://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/inclusiveness>).

Commission on Growth and Development (2008). The Growth Report: Strategies for Sustained Growth and Inclusive Development (<https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/6507/449860PUB0Box3101OFFICIAL0USE0ONLY1.pdf>).

Corrigan, G. (2017). Lessons from Norway, the world's most inclusive economy. *World Economic Forum* (<https://www.weforum.org/agenda/2017/04/lessons-from-norway-the-world-s-most-inclusive-economy/>).

Drummond, D., Capeluck, E., and Calver, M. (2015). The Key Challenge for Canadian Public Policy: Generating Inclusive and Sustainable Economic Growth. *CSLS Research Report*, 11, September (<http://www.csls.ca/reports/csls2015-11.pdf>).

Jacobs, M. & Mazzucato, M. (Eds.). (2016). *Rethinking Capitalism: Economics and Policy for Sustainable and Inclusive Growth*. Wiley-Blackwell, 224 p.

Kataeva, O. V. (2015). The problem of the criteria of scientificity of social and humanitarian sciences. *Bulletin of the Moscow State Technical University MAMI*, 6(1), 74–77. (In Russian.)

Kelly, M., Duncan, V., and Dubb, S. (2016). Strategies for financing the inclusive economy. *Democracy Collaborative* (<http://democracycollaborative.org/financinginclusion>).

Kimelev, Yu. A. and Polyakova, N. L. (2014). Philosophy of Social Sciences. *Bulletin of Moscow University*, 1, 20–46. Series 18: Sociology and Political Science. (In Russian.)

Levitas, R. (1998). *The Inclusive Society? Social Exclusion and New Labour*. London: Macmillan, 223 p.

Magomedov, N. G., and Kachabekov, A. G. (2003). Criteria of scientificity of social knowledge. Makhachkala. (In Russian.)

Manyika, J., Pinkus, G., Ramaswamy, S., Woetzel, J., Nyquist, S., and Sohoni, A. (2016). The US economy: An agenda for inclusive growth. *Briefing paper*, November. McKinsey Global Institute (<http://www.mckinsey.com/~media/McKinsey/Global%20Themes/Employment%20and%20Growth/Can%20the%20US%20economy%20return%20to%20dynamic%20and%20inclusive%20growth/MGI-US-Economic-Agenda-Briefing-paper-November-2016.ashx>).

Marx, K., and Engels, F. (1961). *Works*, 19. Moscow: Politizdat Publ. (In Russian.)

Pacetti, E. G. (2016). The Five Characteristics of an Inclusive Economy: Getting Beyond the Equity-Growth Dichotomy. *The Rockefeller Foundation*, December 13 (<https://www.rockefellerfoundation.org/blog/five-characteristics-inclusive-economy-getting-beyond-equity-growth-dichotomy/>).

Semenov, Yu. I. (1998). Marx's theory of socio-economic formations and modernity. *Philosophy and Society*, 3, 190–233. (In Russian.)

The Inclusive Growth and Development Report 2017. *World Economic Forum* (<https://www.weforum.org/reports/the-inclusive-growth-and-development-report-2017>).

Tumanyan, Yu. R., Ishchenko-Padukova, O. A., and Movchan, I. V. (2015). Inclusive education is the criterion of the civilization of society and the economy. Rostov-on-Don: Nauka-Spectr Publ. (In Russian.)

Wallace, J. (2016). Opportunity Youth: The Key To An Inclusive Economy. *Forbes*, May 16 (<https://www.forbes.com/sites/gradsoflife/2016/05/16/opportunity-youth-the-key-to-an-inclusive-economy/#23a07a9f628d>).

Whitread, R. (undated). History of mass production. *InfoBritain* (http://www.infobritain.co.uk/mass_production.htm).

Yakovleva, E. L. (2015). Exclusive inclusiveness of the creative personality. *Karelian scientific journal*, 1. (In Russian.)